

УДК 821.161.1

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО И. С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА: ВЫХОД К «БОЛЬШОМУ РОМАНУ»

© Юлия Василевская, Надежда Косоурова

EARLY WORKS OF IVAN SOKOLOV-MIKITOV: ON HIS WAY TO “THE BIG NOVEL”

Iuliia Vasilevskaia, Nadezhda Kosourova

The article contains the results of our research on similarities in plot, style and other elements found in Ivan Sokolov-Mikitov's short stories and short novels. To identify the images, themes and motifs, which subsequently became traditional in the work of the writer, we study the short novels “Yelenh“, “Chizhikova Lavra“, “Childhood“ and the short story cycles “On the Warm Ground“ and “On the Nevestnitsa River“, on which the writer worked mainly in the 1920s, and continued working in the 1950s. The article identifies parallel plots, describes the motifs of searching and returning and the role of the “road” chronotope associated with them. Written in the 1920s–1930s, the short stories about wildlife and rural life are compared here with the hunting stories of the 1940s–1960s. The article points out certain commonality of major temporal dominants and diverse categories of the past and the present.

Ivan Sokolov-Mikitov's early prose should be viewed as a single complex of texts, linked by numerous connectors: chronotopes, the system of through-motifs, the stylistic manner of the narrative, and the characters moving from one story to another. All the above mentioned features allow us to speak about these texts as some kind of drafts of a big novel, the idea of which did not leave the writer throughout his life.

Keywords: Ivan Sokolov-Mikitov, short story cycle, novel, style, chronotope.

Предметом исследования является стилевая, сюжетная и иная общность рассказов и повестей И. С. Соколова-Микитова. Для выявления образов, сюжетов и мотивов, ставших впоследствии традиционными в творчестве писателя, рассмотрены повести «Елень», «Чижикова лавра», «Детство», циклы рассказов «На теплой земле» и «На речке Невестнице», работа над которыми велась в основном в 1920-е годы, но была продолжена в 1950-е годы. Выявлены параллельные сюжеты, описываются мотивы поиска и возвращения и связанная с ними роль хронотопа дороги. Рассказы 1920–1930-х годов о природе и о деревне сопоставляются с охотничьими рассказами 1940–1960-х годов. Показана общность основных временных доминант и многообразная наполненность категорий прошлого и настоящего.

Раннюю прозу И. С. Соколова-Микитова целесообразно рассматривать как единый комплекс текстов, связанных между собой множеством «скреп»: хронотоп, система сквозных мотивов, стилевая манера повествования, персонажи, перемещающиеся из одного произведения в другое. Все это позволяет говорить об этих текстах как о своеобразных черновых вариантах для будущего романа, замысел которого не оставлял писателя всю его жизнь.

Ключевые слова: И. С. Соколов-Микитов, цикл рассказов, роман, стиль, хронотоп.

За И. С. Соколовым-Микитовым закрепились репутация писателя, «специализирующегося» на малых прозаических жанрах. Его повести «Детство», «Елень», «Чижикова лавра» рассматривались исследователями как интересное исключение из правил и тем самым получали статус главных, «программных» произведений. Однако при внимательном изучении ранней прозы И. С. Соколова-Микитова (1920–30-е годы) становится очевидно, что повести непонимаемы без рассказов и очерков, составивших впоследствии

два цикла – «На теплой земле» и «На речке Невестнице». Да и самим автором повести никогда не рассматривались как что-то самостоятельное. С рассказами их объединяет единая система образов и персонажей, схожесть ряда сюжетных ситуаций, пространственно-временное строение.

В раннем творчестве И. С. Соколова-Микитова заметно тяготение к романной форме: все произведения, по сути, являются частью одного сюжета. Сюжет этот создается главным образом за счет общей топонимики, а также системы пер-

сонажей. Некоторые из них могут фигурировать в разных произведениях под разными именами, но при этом все равно остаются узнаваемыми. В одном случае такой «сквозной» персонаж поставлен в центр повествования, в другом – действует на периферии основных событий. Схожий принцип был использован Бальзаком в построении системы персонажей грандиозной «Человеческой комедии».

То, что И. С. Соколов-Микитов задумывал создать «большой роман», видно из ряда его писем. Так, например, в письме к А. Т. Твардовскому: «Мне хочется написать повесть (роман или хронику) о человеке моего поколения (быть может, самого трагического), человеке, родившемся и выросшем в „мирные времена“, в годы первой мировой войны оказавшемся любовным солдатом, прошедшим огни, воды и чугунные повороты. Над этой повестью, начатой с „тихих“ времен, я и тружусь, подчас, с великой и мучительной натугой» (27 октября 1953 г.) [Соколов-Микитов, т. 4, с. 352–353]. Этого замысла он не оставлял до самого конца своих дней. В разное время, как это видно, в частности, из его переписки с издателями и писателями, характер замысла менялся: в центр повествования ставилась то тема войны и эмигрантских скитаний, то хроника жизни дореволюционной и послереволюционной деревни.

Повести «Детство», «Елени», циклы рассказов «На теплой земле», «На речке Невестнице» и собрание «записей-былиц» «На своей земле» – очевидная попытка автора выйти к большому роману, создать эпос о своей родине и о себе как об одном из людей этой земли. Помимо очевидных связей (топонимика, система персонажей, похожие сюжетные повороты и ситуации), в единое повествовательное целое эти произведения связывает общая система мотивов и хронотоп.

Схожие сюжетные ситуации, встречающиеся в «Елени», «Детстве» и двух упомянутых циклах, являются своеобразными «креплениями», ключевыми сюжетными узлами для всего будущего эпического полотна. Описание в обеих повестях экзотического и потому в чем-то сказочного облика «бывших» людей (дворян, купцов, приказчиков), либо спившихся, либо «одичавших», получает логическое продолжение и завершение в рассказах (особенно ярко в рассказе «Пыль»). Поразивший воображение рассказчика парализованный калека (повесть «Детство») «перевоплотится» в умирающую от неведомой болезни молодую девушку из рассказа «Медовое сено» (в том и в другом случае подчеркивается невероятная, нечеловеческая худоба, переводящая этих

персонажей в разряд неких «иных существ»). Избиение цыгана, обвиняемого в краже, присутствует и в повести «Елени», и в рассказе «Цыган» (в них также действует один и тот же персонаж – цыган Лекса). Единственная уцелевшая после облавы волчица – персонаж из «Елени» и рассказа «Найденов луг». И это не единственные примеры подобной «миграции» сюжетов.

В главке «Мужики» (повесть «Детство») среди прочих героев упоминается Оброська, который в рассказе «Фурсик» будет уже второстепенным действующим лицом. Дмитрий Степанович Гагарин из «Дня хозяина» описывается точно так же как барин Хлудов из повести «Елени». Сюжет рассказа также имеет свой аналог в «Елени» (несчастный случай на лесной порубке, разговор с приятелем-лесником об охоте на волков).

При всей кажущейся аморфности авторского замысла можно говорить о продуманной структуре будущего романа. Вернее, о нескольких возможных структурах. В «Детстве» это воспоминания (и соответственно – точка зрения) рассказчика, в «Елени» – хронотоп, объединяющий как человеческий, так и природный миры (точка зрения автора-повествователя). Однако наиболее сложный, многокомпонентный «стержень» повествования, созданный как система сменяющих друг друга точек зрения, можно видеть в цикле «На теплой земле». Большая часть рассказов была создана в середине 1920-х годов, однако потом цикл был значительно переработан и дополнен. При этом он тесно связан с другим циклом, над которым И. С. Соколов-Микитов работал в эти же годы, – «На речке Невестнице». Изначально оба цикла были обычными сборниками. На это указывает, в частности, подвижность их структуры: рассказы часто «переезжали» из одной подборки в другую и не имели внутри сборника определенного, закрепленного за ними места.

Впоследствии редактирование этих сборников шло именно в сторону цикла. Особенно сильны циклообразующие связи в сборнике «На теплой земле». Мотив встречи и мотив возвращения, актуальные для ранней прозы И. С. Соколова-Микитова, реализуются здесь через хронотоп дороги. Именно он становится одной из определяющих примет потенциального романного замысла. Как писал М. М. Бахтин, именно для романа характерно «слияние жизненного пути человека (в его основных переломных моментах) с его реальным пространственным путем-дорогой, то есть со странствованиями» [Бахтин, с. 375].

Дорога играет важную роль как минимум в пяти рассказах цикла из девяти. Путешествие-

возвращение (изображаемое пока как мысленное) начинается уже в первом рассказе – «На теплой земле». Описание дороги связано с лучшими детскими воспоминаниями:

По крепко накатанной, обмытой теплым дождем лесной мягкой дороге бесшумно катятся дрожки. Подобрав ноги, я сижу за спиной отца. Рядом, блестя обмытою железною шиной, весело вертится колесо [Соколов-Микитов, т. 1, с. 225].

Вариацией образа дороги становится образ реки (ручья), и в этом случае передвижение происходит не в пространстве, а во времени (из настоящего – в прошлое). Такое «путешествие» зачастую связано с еще одним важным для ранней прозы И. С. Соколова-Микитова мотивом земли обетованной (особенно ярко заявлен в повести «Детство» – глава «Плотик»).

В отечественном литературоведении неоднократно подчеркивалась фольклорная основа хронотопа дороги: «Выход из родного дома на дорогу с возвращением на родину – обычно возрастные этапы жизни (выходит юноша, возвращается муж)» [Бахтин, с. 375]. Так, в рассказе «Пыль» главный герой, «бывший» помещик Алмазов, вновь посещает родные места, покинуть которые ему пришлось еще ребенком. Значительное внимание автор здесь уделяет описанию изменившейся, обновленной (не всегда в хорошем смысле) деревни. Но в письме «милому другу» Алмазов подчеркивает неизменность главного – неба над его малой родиной и реки, на берегу которой он мгновенно вспоминает свое детство. Композиционно дорога (и соотносимая с ней река) становится в рассказе «Пыль» осью, на которую накладывается новый, преображающий героя опыт.

Пыль дорог становится во многих ранних рассказах И. С. Соколова-Микитова одним из важных сквозных мотивов (о сквозных мотивах в ранней прозе И. С. Соколова-Микитова см. подр.: [Громова]). Упомянутый выше рассказ не исключение. Описанием пыльной дороги начинается история возвращения Алмазова; ветром, гонящим пыль вслед уходящему герою, рассказ завершается. Этот же мотив присутствует в рассказе «Слепцы», композиция которого построена по схожему принципу: появление героев из ниоткуда и их последующий уход куда-то в даль. Но здесь герои сами становятся источником преображающего опыта для пригласившего их «одинокого человека», почувствовавшего притягательную загадку любви незрячих.

Второй важный сквозной мотив, связанный в рассказах И. С. Соколова-Микитова с хронотопом дороги, – это мотив поиска земли обетованной. В рассказе «Медовое сено» мечта уехать «в

Сибирь есть белые пироги с вареньем» – легенда в легенде, предание, о котором в деревне «люди помнят». О земле обетованной говорится и в рассказе «Камчатка». В рассказе «На пнях» такое путешествие-поиск – удел крестьянина, оторванного от родной земли («Живет он хозяйством, но землю не любит» [Соколов-Микитов, т. 1, с. 354]). Деревенские жители охотно верят в беспочвенные слухи:

Стало слышно, что <...> собирается на Кубань пол-уезда, что земли там отдаются задаром, <...> что чернозем там как масло... [Там же].

Эта тяга к легкой и сытой жизни объясняется автором не столько войной и разрухой в стране, сколько существующей у русского человека определенной душевной склонностью, характерным воплощением которой становится и alter ego автора – герой-охотник. Такой тип характера можно обозначить словосочетанием «простая душа» («...под внешней деловитостью Павла, под его умением чесануть язык скрывается детская, простая душа, <...> трудолюбие его больше напускное...») («На пнях»). Интересную роль такого героя в ранних и поздних рассказах писателя еще предстоит исследовать.

В «Морских рассказах» образ земли обетованной имеет не только пространственную, но и временную протяженность. И здесь, и в мемуарных книгах последних лет жизни писателя он воплощается в чудесных детских годах, проведенных на Смоленщине.

В повести «Чижикова лавра» мотив поиска земли обетованной будет дополнен еще одним – мотивом изгнания из рая.

В особых случаях земля обетованная получает и реальное воплощение. Так, ее преддверием в ряде произведений И. С. Соколова-Микитова становится лес. Хронотоп леса как чудесного, иного мира довольно часто сочетается с хронотопом дороги, представленным в их традиционной сказочной функции – как инициация героя, поиск и прохождение границы между миром зримым и незримым. Особенно ярко это видно в рассказе «На светлых озерах» и его позднейшей переработке – «По сорочьему царству».

Хронотоп дороги, создающий общий «стержень» цикла, а также постоянное обращение повествователя (или рассказчика) к прошлому выражаются через различные формы глагола «видеть» и схожих с ним по значению («...сейчас гляжу на небо, в котором совсем нетрожно – как и тогда – висит ястреб» [Там же, с. 244]; «И теперь можно видеть эти высокие городища...» [Там же, с. 293]; «Мы наблюдаем, как надвига-

ется с запада...» [Там же, с. 305]; «Я иду лесом и смотрю на деревья, стоящие передо мною» [Там же, с. 331]), а также глаголов, обозначающих передвижение персонажа в пространстве («идти», «шагать», «ехать», «бежать» и др.). В предложениях с инверсией эти слова получают особое логическое ударение, тем самым смещая внимание читателя более к действию, чем к описанию. При этом «видеть» в контексте ряда рассказов означает еще и «вспоминать»:

Скромная природа тех мест, где я провел первые годы моей сознательной жизни, не блистала пышною красотой. <...> Видишь кольцо леса, дальнюю церковку, поля, исполосованные жалкими нивами, на которых копошится деревенский люд. <...> Я вижу родные поля, лес, пыльный, извивно бегущий в полях проселок [Там же, с. 222].

Обычное время повествования в подавляющем большинстве рассказов (где действие отнесено к далеким временам или основано на воспоминаниях) – прошедшее. Однако в рассказе «Ава», в котором описывается история, случившаяся еще до революции, в экспозиции используется принципиально иная система времен. Глагольные формы настоящего времени здесь маркируют не настоящее, а прошлое, а формы прошедшего времени, напротив, указывают на сегодняшний день как на «отправную точку» повествования. Так, например, о том, далеком времени (время рассказа):

Город невелик, очень зелен, древен и древян; зимами голубые сверкающие сугробы на отдаленных и тихих улицах лежат нетрожно... [Там же, с. 245].

С точки зрения рассказчика (время повествователя):

В прежние времена славен был город крепким жильем-бытьем... [Там же].

Рассказы о деревне, морские и охотничьи рассказы объединяет выраженность как календарного, так и событийного времени. Большинство произведений 1920–30-х годов содержит в экспозиции лексические единицы с темпоральной семантикой. Традиционно указание времени года («жарким летом», «осенью», «зимой») – не просто временные маркеры в экспозиции, а первые слова в нескольких произведениях из цикла «На теплой земле»), нередко встречается ссылка на народный календарь («Слепцы», «Тихий вечер» и др.). Исключение составляют «Морские рассказы», где практически нет примет календарного времени, а экспозиция традиционно представляет героев произведения и / или место

действия, но не время. Можно предположить, что категория времени имела для писателя большее значение на родной земле, так как во многих рассказах он умозрительно возвращается в те места, где все известно и предсказуемо. Это подтверждает творчество 1940–60-х годов. Создавая новые произведения о природе, охоте и животных, а также редактируя более ранние тексты, Соколов-Микитов все точнее использует темпоральную семантику, указывая во многих случаях не только время года, но и месяц, а то и конкретный момент дня. В произведениях с действующим автобиографическим рассказчиком, будь то охотник, или деревенский житель, или ребенок, конечно, преобладает тип биографического времени. Временные маркеры чаще всего сопровождаются указанием на прямое отношение рассказчика к описываемым событиям. В четырнадцати из двадцати произведений из цикла «Рассказы охотника» экспозиция строится по принципу: «когда это было / бывает и что я видел / чувствовал / узнал». Здесь проявляется идея времени как цикла, вечного повторения – близость с природой подчеркивается сменой времен года и циклическим народным календарем.

Прошлое и настоящее – главные временные доминанты в творчестве Соколова-Микитова. В нескольких рассказах из цикла «На теплой земле» автор самостоятельно проставляет эти доминанты, выделяя курсивом понятие «тогда». Тогда – это время и место, в котором пересекаются почти реальные ощущения взрослого, пожившего человека, когда он вспоминает давно ушедшие времена. То, что было тогда, существует всегда, хотя и противопоставлено некой неявной категории теперь. В ряде произведений автор использует прием противопоставления «людей прошлого» и «новых людей» («День хозяина», «Дударь», «Сын» и др.), не вставая явно ни на одну сторону.

Внутри цикла «На теплой земле» сочетаются две повествовательные манеры. Их можно условно обозначить как «реалистическая» и «сентименталистская». Первая отличается относительной простотой изложения мысли. Как правило, фиксируется только смена действий или картин:

Волчица пошла вдоль притуло и осторожно. Так она вышла в поросшую ольхой лощину, на занесенную снегом лесную речку и остановилась. Выбежал из лесу, завязая в снегу, заяц. И тут она впервые в жизни увидела человека. Он стоял в снегу, прикрытый стволом старой елки, и глядел на зайца [Там же, с. 313] («Найденов луг»).

В ряде случаев автор прибегает к перечислительным конструкциям, причастным и деепричастным оборотам, которые либо «сопровождают» одно повторяющееся действие (например, так построена экспозиция в рассказе «Слепцы»: появление слепых на ярмарке («бродили», «поднимались мимо», «проходили», «брели») погружено в детализированное описание торга, гомонящих покупателей и продавцов), либо характеризуют какой-либо объект или персонажа (описание Оброськиной избенки в рассказе «Сын» или старинных дворянских усадеб в рассказе «Курганы»). Однако при всем при этом цель повествования – дать реалистичное описание.

Повествователь в этом случае избегает упреков на свое отношение к рассказываемому, «передоверяя» это персонажам. Так, размышления о трогательности любви слепых людей в финале «Слепцов» принадлежат «одинокому человеку, занимавшемуся собиранием песен и местной старины», хотя эти мысли явно отражают авторскую позицию. Фраза, в рассказе «Сын» ярко характеризующая Оброську («*Ну и живет, прости господи, человечек!*»), принадлежит «всякому мало-мальски приметливому человеку», но при этом опять-таки является в том числе и авторской оценкой персонажа.

Сентименталистская манера повествования обычно маркирует значимые моменты рассказа. Она складывается из особой, доверительной, исповедальной манеры обращения к некоему слушателю («*Мой милый друг! Мне хочется описать мое путешествие, быть может, самое трогательное в моей жизни*» [Там же, с. 334]), обилия риторических вопросов и восклицаний («*Как и когда родилась моя страсть к путешествиям, любовь к природе, к своей земле?*» [Там же, с. 221]; «*Как чуждо и глухо звучит по лесу мой выстрел и как по-человечьему притихает лес!*» [Там же, с. 332]), а также сентименталистских литературных клише. На таких клише построено повествование в рассказе «Фурсик». Деревенский меринок чувствует и мыслит как герой сентиментальных романов:

Всегдашнее одиночество (даже в конюшне держался он особливо) развило в нем способность наблюдательности и спокойную молчаливость;

Он не знал любви, а способности любить лишили его очень рано. Эта жестокая минута решила его судьбу;

Его поразил не слышанный прежде голос, придуренный и страстный [Там же, с. 316].

В схожих выражениях ведется разговор с читателем в рассказах «На теплой земле» и «Свидание с детством». Показательно, что цикл начи-

нается сентиментальным «зачином» и заканчивается в той же повествовательной тональности.

Лирически-исповедальное обращение к читателю (реже – персонажу) присутствует и в «реалистических» рассказах И. С. Соколова-Микитова «Пыль», «Дороги», «Курганы», «Дударь», «Слепцы» (обычно – в финале). На таком же сочетании реалистической и сентименталистской манеры построено повествование в «Елени». Повесть «Детство» в полной мере не понимаема без знания канонов литературы русского сентиментализма.

Стилистика цикла «На теплой земле» характерна в целом для всех рассказов и повестей, созданных И. С. Соколовым-Микитовым в этот период. Лирическая интонация создается в основном за счет инверсионных конструкций (часто – сказуемое перед подлежащим): «*Вижу себя на берегу реки*»; «*Белые, золотые, синие, качаются над головой цветы*»; «*Бывалого человека, меня и теперь радостно волнуют...*» [Там же, с. 219]. Зачастую они становятся «зачином» рассказа или нового сюжетного поворота (развития новой мысли). Так, в рассказе «На теплой земле», повествование в котором идет от первого лица, около половины предложений – с инверсионной структурой. То же соотношение присутствует, например, в рассказе, где повествование ведется уже от третьего лица, – «Слепцы». В других рассказах цикла количество предложений с инверсией может снижаться, но соотношение значительно не изменяется.

Инверсионные конструкции выполняют также другую роль: они являются частью сказовой манеры повествования, присутствующей в ряде рассказов. Особенно последовательно она вводится автором в «Медовом сене»:

Жарким летом, в сенокос <...>, померла на деревне нашей девка Тонька, вдовы Глухой Марьи дочь [Там же, с. 284].

Отметим, что этот рассказ (как и рассказ «Найденов луг») не только является безусловной «вершиной» цикла, но особенно выделяется введением в повествование чужой точки зрения, через которую показывается и с помощью которой осмысливается происходящее, – прием, к которому И. С. Соколов-Микитов прибегал нечасто. В «Медовом сене» – это точка зрения необразованного крестьянина, чья речь изобилует просторечными словами и выражениями; в рассказе «Найденов луг» используется прием отстранения – показ мира глазами волчьей стаи.

В более поздних циклах И. С. Соколов-Микитов будет постепенно отходить от ранней

лирически-исповедальной интонации, которая сменится газетно-публицистической в циклах очерков «Путь корабля» и «Спасение корабля», хотя художественные достижения циклов «На теплой земле» и «На речке Невестнице» найдут применение в описании экзотических для русского человека мест (сборники «Морские рассказы», «Белые берега»).

Творческий метод ранней прозы И. С. Соколова-Микитова строится на реалистической и сентименталистской манере повествования, а главными временными доминантами стали для его рассказов прошлое и настоящее. Сквозная для ряда ранних произведений И. С. Соколова-Микитова система персонажей, образов и мотивов, хронотоп дороги, стиль повествования, отбор изобразительно-выразительных средств позволяют рассматривать весь этот корпус текстов как своеобразную творческую лабораторию, в которой создавался замысел «большого романа», к сожалению, неосуществленного.

Материал подготовлен в рамках исследовательского проекта №16-34-01071 при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Список литературы

Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Том 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Громова П. С. Жанровые особенности произведений И. С. Соколова-Микитова: к постановке проблемы // Высшая школа. 2016. № 19. С. 33–35.

Соколов-Микитов И. С. Собрание сочинений: в 4-х томах. Л.: Художественная литература, 1985. Т. 1. 528 с.

Соколов-Микитов И. С. Собрание сочинений: в 4-х томах. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 4. 448 с.

References

Bakhtin, M. M. (2012). *Sobranie sochinenii v semi tomakh. Tom 3. Teoriia romana (1930–1961 gg.)* [Collected Works in Seven Volumes. Volume 3. The Theory of the Novel (1930–1961)]. 880 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Gromova, P. S. (2016). *Zhanrovye osobennosti proizvedenii I.S. Sokolova-Mikitova: k postanovke problemy* [Genre Features of the Works by Ivan Sokolov-Mikitov: Statement of the Problem]. *Vysshiaia shkola*. No. 19, pp. 33–35. (In Russian)

Sokolov-Mikitov, I. S. (1985). *Sobranie sochinenii: v 4-kh tomakh*. [Collected Works in Four Volumes. V. 1]. 528 p. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Sokolov-Mikitov, I. S. (1987). *Sobranie sochinenii: v 4-kh tomakh*. [Collected Works in Four Volumes. V. 4]. 448 p. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

The article was submitted on 06.11.2016
Поступила в редакцию 06.11.2016

Василевская Юлия Леонидовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Тверской государственный университет,
170100, Россия, Тверь,
Желябова, 33.
yuliya-vasilevskaya@yandex.ru

Косоурова Надежда Романовна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Тверской государственный университет,
170100, Россия, Тверь,
Желябова, 33.
Nr.kosourova@gmail.com

Vasilevskaia Iuliia Leonidovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Tver State University,
33 Zheliabov Str.,
Tver, 170100, Russian Federation.
yuliya-vasilevskaya@yandex.ru

Kosourova Nadezhda Romanovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Tver State University,
33 Zheliabov Str.,
Tver, 170100, Russian Federation.
Nr.kosourova@gmail.com